

ПРО БЕЛЫХ СЛОНОВ

В один из жарких июльских дней мама привезла Серёжу к бабушке — «на пару недель погостить».

— Попьёшь козьего молока, позагораешь, покупаешься в речке, отдохнёшь от города, — сказала она Серёже на прощанье, когда они стояли на автобусной остановке на краю бабушкиной деревни.

Обняла Серёжу, села в подкативший автобус, помахала рукой из окошка и уехала.

И хотя Серёжа считал себя уже большим — осенью пойдёт в первый класс! — всё равно немножко загрустил.

И, чтобы развеселиться, достал из кармана плеер, подаренный ему на день рождения. Воткнул в уши маленькие чёрные пуговицы наушников и пошёл к бабушкиному дому, стараясь шагать в такт скороговорке бойко зазвучавшего в ушах рэпа. Таким смешным словом, похожим на хруст капустного кочана под маминым ножом, когда она готовит борщ («ррэп! ррэп!

ррэп!..»), называл эту странную музыку большой Витька, который учился уже в третьем классе и жил в соседнем с Серёжей подъезде.

Бабушка собиралась полоть на грядках сорняки. Она поправила косынку, как-то по-особенному посмотрела на заткнутые Серёжины уши.

— Ба, смотри, какой крутой! — похвастался Сережа плеером, перехватив её взгляд, и вытащил из одного уха наушник.

— Неужели? — Бабушкины брови сердито сошлись к переносице.

Серёжа вспомнил, как говорил про своих родителей большой Витька, пренебрежительно махая рукой: «А, предки ничего не понимают в музыке!»

И тоже повторил:

— Ба, ты ничего не понимаешь в музыке!

— А какая это музыка? — подняла бабушка брови. — Да в таком шуме не услышишь и своей души.

Серёжа удивился, выдернул и второй наушник:

— А зачем слушать свою душу?

— Как зачем? — тоже удивилась бабушка, и было видно, что она удивилась очень сильно. — Без души не услышишь и не увидишь ничего...

Повернулась и пошла в огород.

— Но у меня же есть уши, есть глаза! — возразил Серёжа, догоняя её.

Бабушка остановилась возле скамейки под развесистыми кустами малины. Как раз здесь начиналась грядка моркови, запланированная ею для прополки.

— Убери, внучек, свою музыку в карман, посиди тихонько и попробуй услышать свою душу. — Она ласково погладила Серёжу большой, жёсткой от работы ладонью и склонилась над грядкой.

Серёжа сел на нагретую солнцем скамейку, сорвал оказавшуюся возле его уха спелую ягоду малины, сунул в рот. Сладкая! Только крошечные косточки-семечки в зубах застревают.

Послушал стрекотание кузнечиков где-то за малиновыми кустами, полюбовался на маленького фиолетового мотылька, который, развернув узорные крылышки, отдыхал на плоской белой шапке зацветающих флоксов... Втянул носом цветочный аромат и зажмурился, прислушавшись к себе: а вдруг сейчас он услышит свою душу?

Но внутри Серёжи было тихо. Душа молчала.

Тогда он откинулся на спинку скамейки, задрал голову и уставился в небо.

А по небу неторопливо плыли белые пухлые облака. словно снежные слоны с синими животами и серебряными от солнца спинами, они сытым стадом разбрелись в высокой синеве.

Казалось, что воздушные слоны трясут белыми ушами, вскидывают расплывающиеся зыбкие хоботы, важно переступают толстыми ногами, оставляя пушистые следы... И, кажется — нет, правда-правда! — слоны улыбаются! Вот один приветливо помахал Серёже хоботом, второй беззвучно протрубил что-то очень весёлое — наверное, какую-то песенку... Серёжа даже понял, о чём эта песня — о далёкой жаркой Африке, где живут родственники этих белых слонов.

В слоновью песенку звонким ручейком влилась трель какой-то птицы. У самого толстого слона дрогнуло ухо и ещё шире заулыбался рот...

А какое глубокое небо! И какое синее! Серёже показалось, что он медленно и плавно поднимается над землёй, над огородом, над домом — словно кто-то большой и очень сильный взял его в свои ладони и бережно понёс в высоту... И всё вокруг такое ласковое и доброе, спокойное и нежное... Даже мамин голос слабым эхом зазвучал где-то вдали, словно она запела колыбельную для Серёжи. Какое всё вокруг... хорошее! Разве можно кого-то обижать в таком мире? Даже бабочку — нельзя, не говоря про противного чёрного кота из Витькиного подъезда, и совсем уж плохо — дёргать за косу толстую Люську или красивую Маринку из своей группы в садике...

Да вообще-то и ветки на берёзе возле дома зря Серёжа вчера сломил. Росли бы и росли, а он ими постегал забор и потом бросил где-то в пыли...

Серёжа смотрел в бездонное небо, и в груди его что-то росло и расширялось. Даже захотелось подпеть весёлому слону-облаку, который животом уже касался далёкого зелёного угора за бабушкиной деревней...

...Серёжа перевёл взгляд на бабушку, склонившуюся над грядкой. Бабушкин лоб блестел от пота, и дышала она тяжело, устало...

И Серёжу вдруг пронзила боль: ему стало очень-очень жалко бабушку!

Он соскочил со скамейки и подбежал к ней. Присел на корточки рядом, крепко обнял:

— Бабушка, я так тебя люблю! Ты у меня самая-самая лучшая! Иди посиди на скамейке, отдохни, а я буду вместо тебя полоть морковку!

Бабушка выпрямилась, смахнула со лба пот, поглядела на внука сверху вниз. И улыбнулась.

Серёжа тоже улыбнулся и хитро прищурился:

— Посиди и послушай свою душу — тебе понравится...

